

ПРОТИВ „СРЕДНЕГО УРОВНЯ“

Большой и хороший резонанс в свое время вызвал опубликованный в «Правде» в декабре 1953 года очерк А. Калинин «На среднем уровне» (рассказ об одном районе). В простом, вроде бы «любовном» заголовке скрывалась ирония. За «большим средним» процентами так называемых достижений пряталось тягостное отставание. Такая заводь, постепенно нарастающая осойкой и тупой, глянула на читателя с газетных столбцов очерка А. Калинин...

Три года отделяют нас сейчас от исторического сентябрьского Пленума ЦК партии по вопросам сельского хозяйства. Какие же перемены привнесли эти годы в те колхозы и районы, которые долгое время жили на «среднем уровне»? Все ли охватило стремительный порыв вперед? Нет ли и теперь руководителей, которые, подделывая изобразя движение, маршируют на месте? Не уехали ли кое-где в бурном походе прошедших в стране свершений нетронутые островки старого «среднего уровня»? И, наконец, если «да», если кое-где уехали, то чем живут, как мыслят сейчас они, их обитатели — островитяне?

Антс Саар, эстонский писатель, очеркист, старается ответить на эти вопросы в своем цикле очерков «Тихая заводь». «Нередко жизнь в «среднем» районе колхозе напоминает тихую заводь где-нибудь в излучине реки», — замечает Саар в начале своих очерков. В чем же состоит эта атмосфера тихой заводьи? Приятельские отношения, группки сжившихся друг с другом руководителей, невнимание к повседневным нуждам и голоду «спину», безудержное фразерство вместо дела — таковы некоторые ее существенные черты. В одном из очерков эстонский, почти сатирический штрих: редактор районной газеты разговаривает на заседании в райкоме шепотом. Громкоговорителей «критиканов» здесь не терпят.

Затхла атмосфера губительно действовала на низовых руководителей, на колхозный актив. В первом из очерков — «Почему из Каарела Каару не вышел положительный герой очерка» рассказана тягостная история, как незаметно опускается сильный, честный и волевой человек, в недавнем прошлом один из лучших председателей колхоза в районе. Надо было найти в себе силы учиться, совершенствоваться, чтобы не оказаться руководителем колхоза только на словах, а Каарель начинает больше всего думать о том, как бы места почетного не потерять.

Нет, даже для честного Каарела не прошли бесследно категорические приказы сеять рожь в воду: «План сев!» — и замышлять урожайность в совхозах: «Пна-а-!!!...» Увы, Каарель, всегда уважающий людей и уважаемый ими, начинает руководствоваться сомнительной мудростью: важно — не что о тебе думают, а что говорят. Ведь «работу Каарела оценивают в районе по тому, что говорят о нем колхозники. Думать они могут что угодно, из-за этого его с председателем не снимут».

В следующих четырех очерках действие происходит в селе сентябрьского Пленума. Налетевший вихрь событий на время забурдакает «тихую заводь». Но скоро опять все улеглось.

Мы знаем много очерков, в которых описывается, как крестьяне, перебранные в родной колхоз, А Саар показывает последние драматические положения: именно после общего собрания об итогах сентябрьского Пленума влюбленный в землю бригадир Антс Саар, «Тихая заводь», Альманах «Эстония», № 6, 1956.

Пеэтер Вольте уходит из колхоза («Шлохое решение»). Не оправдывая Пеэтера (его поступок — «шлохое решение»), А. Саар воюет против чинуш, которые губят все хорошее начинание своим формальным, равнодушным «исполнительством».

Интересны с этой точки зрения образы троих руководителей старожилых «тихой заводьи». Председатель райисполкома Ротте — из тех, кто на службе востанавливает душу на все пугавцы и смотрит на добро и зло, не мигая. Напротив, Нишпер, директор МТС, — образец бюрократов, так сказать, с лучшей нараспашку. Он каждого сердечным примет, каждому сосочувствует, запишет претензию на отдельный листок. Вроде таких листочков уборщица привычно сметает затем в мусорную корзину. У заместителя предрайисполкома Пабера вроде бы больше хороших задатков, чем у первых двух, но он настолько саят мыслями о своем огороде, корове, курач, что тягостяся всем остальным.

При такой разности этих трех людей родит главное. Все они формально, равнодушно воспринимают постановления ЦК: они готовы вроде и сами поехать председателю колхозов, — как же, надо, ну конечно, но — куда-нибудь поближе, туда, где легче. Нужно сказать, что не только по образу мыслей, привычкам, вкусам, но и материально эти люди выигрывают в сохранении и процветании «тихой заводьи». Ведь только здесь они могут пользоваться благами жизни без особого напряжения сил.

И если обстоятельства изменятся, если судьбы района будут решать не они, если можно будет безбоязненно критиковать Ротте, Пабера, Нишпера и объективно оценивать других, куда более талантливых работников, — тогда еще не известно, долго ли усидят в своих креслах наши «герои»? Кто-то, а нышперы — паберы прекрасно это понимают. И потому «критиканов» и хороших, деловых людей, таких, как Иоханнес Тийдебаум, они, мягко говоря, недолюбливают.

Секретарь Валлаковского райкома партии — Хендрик Махлак. Судя по всему, он не из таких, как Борзов («Районные будни») В. Овечкина или Неверов («На среднем уровне») А. Калинин. Он далек от канцелярских представлений о жизни, не отвык смотреть на вещи просто и честно. Присланный вскоре после сентябрьского Пленума, Махлак — человек неугавный, мыслящий. И все же за год его руководства в районе ничего не изменилось; секретарь райкома пошел на поводу у Ротте и его друзей.

Беда Хендрика Махлака, выражаясь языком анкеты, не в деловых и политических качествах, — тут он почти безупречен, — а в том, что он как человек излишне мягок, доверчив и отсюда подвержен всем неострым слабостям характера. И вот это-то обстоятельство, ничтожное по последствиям для всякого другого района с сильной партийной организацией, с разветвленной активностью масс, в Валлаковском способствовало срыву выполнения решений сентябрьского Пленума. Колхозники ждут быстрых практических перемен. А вместо этого по району прокатываются пустышки кампании, которые на истосковавшихся по настоящему делу тружеников, вроде Вольте, действуют, как ушаты холодной воды.

По идейно-творческой устремленности А. Саар идет в русле того направления в нашей очерковой литературе, которое связано с именами В. Овечкина, В. Тендрюкова, Г. Трехпольского и некоторых других. Злободневность, знание экономики колхозов,

проверка с позиций жизни некоторых укоренившихся в период культа личности догм партийного и хозяйственного руководства — вот черты этой боевой традиции очерка, начавшей складываться у нас три-четыре года назад. И надо особенно подчеркнуть: А. Саар не повторяется. Да и материал у него свой, эстонский, такие персонажи, как Тийдебаум, или Вольте, или Ротте, предстают перед нами во всей самобытности, обусловленной своеобразием места действия, предшествующими традициями, бытом и т. д.

А. Саару не всегда достает мастерства. Отдельные его герои скучны, приближительны. В очерках не хватает действия. Иногда на стремлении быть предельно достоверным А. Саар владеет в описательстве: то зачем-то подробно расскажет о человеке, который мелькает и исчезает, то запишет несколько возникших по какому-либо поводу, но мало относящихся к делу ассоциаций.

И, однако, не эти недостатки определяют отношение читателей к новому произведению Саара. Даже эпизодам, фигурам, деталям, чужеродным в очерках, нельзя отказать, что увидены они острым, наблюдательным глазом. У Саара есть свои хорошие приемы письма. Повествование ведется непринужденно и просто, от первого лица, все произведение согрето чувством личной заинтересованности автора в происходящем.

Очеркист сохраняет дружелюбный тон повествования даже при изображении отрицательных героев. Он как бы старается по-человечески войти в их положение. Но именно это «сочувствие» в данном случае и режет, как бритва. Ибо обижает несоответствие между теми пышными фразами, которыми троика бюрократов объясняет для других и даже друг для друга свои действия, и истинными малочисленными и даже полными побуждениями, которыми они руководствуются в действительности. И так как автор наделен хорошим чувством юмора, сцены порой получаются прямо-таки сатирическими. Так изображено, например, заседание в райкоме, когда решается вопрос, кому ехать председателем колхозов...

В очерке Калинин «На среднем уровне» охваченный воодушевлением коллектив смел оброчивать районных руководителей на следующий же день после сентябрьского Пленума. В Валлаковском районе таких внутренних сил было еще недостаточно. Но силы постепенно зреют, копились. И буря в «тихой заводь» разразилась!

К сожалению, автор лишь штрих-пунктирами отмечает процесс осознания самими различными людьми того, что за руководители стояли во главе района столь долгие годы. Рядом с «прозревшим» Хендриком Махлаком хотелось бы прочитать столь же подробно о «вызревании» чувства активного протеста у Тийдебаума. Автор применяет облегченный «сход», сразу приводя читателя на партийную конференцию, где обнаруживается, что все делегаты — «критики» (очерк «Буря»).

Очерки Саара прочитаны. Далеко не все в них гладко. Но зато бесспорно хорошо главное — они будят мысль. В момент, когда партия ведет борьбу за полное восстановление ленинских норм нашей жизни, эстонский писатель правдиво рассказал о запавших жиром самоудовольствия и бесполойности; о сомневающийся; о пассивных и активно борющихся за дело партии.

Ю. ОКЛЯНСКИЙ

Новые стихи

Антас ИОНИНАС

Счастливы поп...

Я ручьясь, что сталь в горниле или в холоде крепнет недером, — поколение мое закалится буйство стужи и пламя пожара.

Покладил мы дымные каты, наши матери глухо рыдали, из наскиженных гнезд, как орлята, мы настричу грозе улетаем.

И она раскидала сходу, обожгла нас, душою щедрый, мы прошли сквозь огонь и воду, чтобы выбрать где друг, где не друг.

Счастливы тот, кто в суровую пору по земле одинокий не бродит, кто в народе отца и опору навсегда для себя находит.

Перевел с литовского Гр. КАНОВИЧ

Алиа КЮРЧАЙЛЫ

Следы

Ты путь по снегу проложил — Следы остались белые. А новый снег заросшил Следы твои несмелые.

Что ж, если не был путь тажал И ноги не натружены, —

Расул ГАМЗАТОВ

Три звездочки

Три звездочки свергу горят — Я начал о тебе стихи. Три звездочки стоят подряд — Я кончил о тебе стихи.

В трех звездочках заключено Для нас название одно: Три слова скрыты в них от глаз, И смысл их стар и вечен нов.

Их произносите в жизни раз, И нет труднее этих слов. Три звездочки — они итог Моих в огне кипевших лет, Три звездочки — они исток И радости моих и бед.

Как ветки собраны вокруг Большого сильного стола, Так возле этих слов, мой друг, Мои и мысли и дела, Мои боссонские мечты, Мои зветнейшие сны.

Перевел с аварского Елена НИКОЛАЕВСКАЯ и Ирина СНЕГОВА

Гафар МИРЗОЕВ

Каменное сказанье

В России медленно сменяются просторы, Солидность в этом есть, порядок есть, А вот у нас, в Таджикистане, горы Друг другу на спину стремятся сесть.

Вершины этих гор подобны великанам, И злим, и добрым, что в пылу войны Склонились пред могучим талисманом И в камни были вдруг превращены.

Из сердца богатырского утеса Струится родниковая вода, Но вот горит закат, он заревом вознесся, И кажется, что кровь бойца бьется сюда.

Вот горка малая к большой горе прижалась, Как будто существо не ближе и родней, Как будто девочка чего-то испугалась И прибежала к матери своей.

Дано любой горе — и каменным сказаньем, И каменной сказительницей ставь, И я, за каменным следя повествованьем, Пытанье летопись белого разгадать.

Перевел с таджикского С. ЛПКИН

Алио МИРЦХУЛАВА

Юность

Юность моя, ты мне память оставила О перелютах дорог и трвгов. Вспомнил былов, я вымолил: — Алио, Все же ты молодость сердца собери!

Если и сдвиг ты, то самую мелость. Песен стройни и крепка еще ставь. Нет, не зыла, не согнула усталость — Песни твои не посмели устать.

Снег придает — если свеж он — сверканья. Нет, с седной но приходит тоска: Ведь на вершину снег падает ранее, Если гора высока.

Я поседел, но, родная, не думай: Вет, мол, забывая мечту человек. С солнцем не справится туман угрюмый, Снежный под солнцем сверкает Казбек.

Перевел с грузинского Юрий ОКУНЬВ

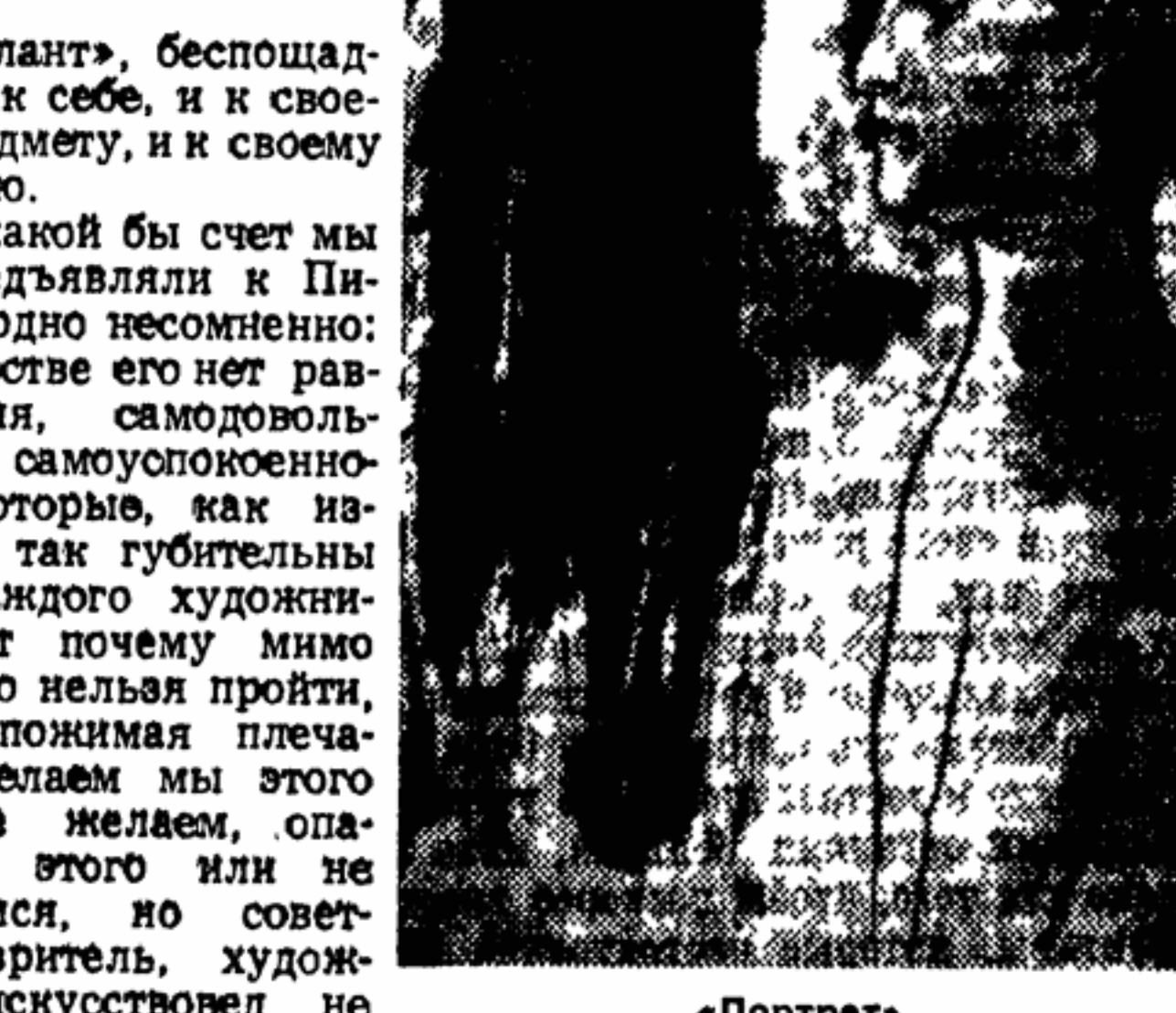
К ОТКРЫТИЮ ВЫСТАВКИ ПАВЛО ПИКАССО

У КАРТИН ПИКАССО

С полгода тому назад на венецианской встрече деятелей культуры Восточной и Западной Европы нам было предложено нашими «зобеданями» сказать, как вы понимаете нашего Пикассо, а мы вам скажем, как мы понимаем нашего Достоевского. Мне вспомнилось это предложение в связи с выставкой Пикассо в Москве. Да! Нам предстоит высказаться, и это слово должно быть и продуманным и веским.

Не нужно считать, что на Западе Пикассо разгадан и признан всеми: его лондонская выставка расколола английское общество на сторонников и противников, и я не знаю, кто остался в большинстве.

Искусство Пикассо различными своими сторонами не может не вызывать к себе различного отношения. В этом можно убедиться на выставке его работ, открывшейся в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. На первый взгляд искусство Пикассо рождает недоумение и изумление, которые у людей нетерпеливых легко переходят в досаду и негодование. Оно может породить и тревогу за судьбу искусства и сожаление об отказе от той гармонии, которая в течение

«Портрет»

многих веков составляла удел классического искусства и так привлекает нас до сего времени. Картины Пикассо способны вызывать нередко ощущение подлинного ужаса, будто создатель их, как от душнншого его кошмара, не мог отделаться от предчувствия человеческого бедствия, от воспоминаний о жестоких кровопролитиях.

Гротеск Пикассо томит нас своей едкой насмешливостью и оверством, и порой нам кажется, что художник издевается над всем миром и в том числе над теми, кому они адресованы. Картины Пикассо требуют от зрителя огромного интеллектуального напряжения, если следовать за художником по всем извилинам и крутым тропам его всеразбужающего анализа. Картины Пикассо могут вызвать в нас и чувство горечи, когда мы видим, что этот щедро одаренный природой мастер, который своим неистощимым изобретательством способен доставлять людям только радость, уходит в себя, раздваивает недомолвим с самим собой, коверкает себя и разрушает то, что создано его собственной мечтой. Поистине Пикассо — жесто-

кий талант, беспощадный и к себе, и к своему предмету, и к своему зрителю.

Но какой бы счет мы ни предъявляли к Пикассо, одно несомненно: в искусстве его нет равнодушия, самодовольства, самоуспокоенности, которые, как известно, так губительны для каждого художника. Вот почему мимолетно Пикассо нельзя пройти, лишь помянув плечами. Желаям мы этого или не желаем, опасаясь этого или не опасаясь, но советский зритель, художник, искусствовед не могут уклониться от гражданского долга: они не могут не отнестись вдумчиво, со всей серьезностью к крупнейшему явлению современности, которое носит наименование Пикассо и под этим именем уже вошло в историю, к художнику, который, в сущности, как никто другой, отразил искания и метания нашего века, его порывы, стремления, дерзания, блуждания и заблуждения.

Не забудем: как бы ни заблуждался Пикассо, на протяжении всего своего полувекного творчества он всегда искал истины. И в откли-

че от балзавковского Френхофера нередко из темного лабиринта своих грез он выхолдил под открытым ясным небом и создавал образы почти классической чистоты. Мы не можем забыть того, что в своей общественной жизни Пикассо уже нашел полугую истину: он боролся за свободу, за свободу человечества, всем своим существом отстаивая мир и счастье народов.

М. АЛПАТОВ, действительный член Академии художеств СССР

НАШ ТОВАРИЩ

Я не беру на себя смелости ни анализировать творчество Пикассо, ни делать каких-либо теоретических обобщений, но чтобы моя позиция была ясна, скажу, что я люблю Пикассо, как художника, и люблю всегда.

А сейчас мне хочется рассказать о нем, как о человеке. Мы знаем о нем очень мало. Имя его окружено ореолом легенд самых разнообразных. Это происходит, быть может, потому, что проникнуть в Пикассо трудно. Дело в том, что в капиталистических странах тысячи людей желают прорваться к знаменитому человеку для того, чтобы получить его автограф, посмотреть на него, либо просто похвалиться, что были у него.

Пикассо ограждает себя от этих посяханий. Но это не распространяется на людей, приезжающих из Москвы. Нужно сказать, что Пикассо относится к Советскому Союзу очень дружелюбно. Я всегда ощущал в нем огромную любовь к нашей стране.

Во время Международного кинофестиваля в Канне я часто бывал у Пикассо. Он снимал фильм. Но и здесь, как я убедился, он устроился на свой лад: там ничего не было, кроме самого Пикассо — мольберта, стола, стула и кровати. Пикассо не привык к роскоши. Он не умеет жить роскошно.

Павло Пикассо на редкость трудолюбив. Не проходит и дня, чтобы он не работал. Находясь в мастерской у Пикассо, я видел огромное количество новых картин и рисунков, их было более 150. Тут же находились перерисовки с портретов Рембрандта и других мастеров. Когда я спросил Пикассо, зачем он это делает, он ответил:

ничего не дает писателю. Другое дело, что сама работа секции пока еще поставлена в Союзе писателей Латвии неудовлетворительно: редко обсуждаются творческие проблемы, зачастую авторам приходится выслушивать малоквалифицированных, поверхностных рассуждения, свидетельствующие о том, что докладчик знакомился с рукописью, о которой говорит, в спешке, на скорую руку. Но это происходит не потому, что принцип творческих секций себя изжил, а лишь потому, что правление Союза писателей Латвии недостаточно серьезно руководит секциями. В последнее время оно стало больше заниматься непосредственно творческими задачами, но на этом пути еще сделано мало. Явно отстают в этом отношении и печатные органы республиканского Союза писателей, которым правление еще не уделяет должного внимания.

Серьезные упущения есть и в воспитании молодых писателей. Я Грант приводит такой пример: «Весной этого года во время работы семинара молодых авторов правление Союза писателей приняло в союз группу молодых литераторов. Среди них были В. Эглол и И. Бирае. Их первые произведения завоевали симпатии читателей. В них много живых, интересных наблюдений, своим творчеством они, безусловно, внесли нечто новое, свежее в нашу литературу. Но в то же время нельзя умолчать и о том, что первые книги этих молодых писателей не лишены недостатков. На это правление союза следовало бы обратить внимание, организовать вдумчивое и серьезное обсуждение этих

партии, вызвавшие прилив творческой инициативы народа, заставили писателей всерьез задуматься о недостатках в работе своей организации, искать пути к их преодолению.

По активности секций, говорит далее автор статьи, можно судить о творческой активности всей писательской организации. Секции, в которых состоят все писатели, можно с полным правом назвать нервом жизни Союза писателей, его пульсом. Однако, если мы сейчас спросим, как же бытует сегодня этот пульс, как отзывается он на новые явления жизни и литературы, то, к сожалению, получим ответ, не могущий удовлетворить нас. В секции писатель должен находить нелицеприятную, выскательную, но непременно товарищескую оценку его творчества. Однако многие литераторы недооценивают эту роль секции, не проявляют глубоко заинтересованного отношения к творчеству своих коллег по перу.

Есть литераторы, которые вообще отрицательно относятся к работе в секции, считают, что секция-де не нужна, раз творческий процесс имеет индивидуальный характер. «Спору нет», — пишет Я. Грант, — творческий процесс своеобразен и сложен, и упрощать его нельзя. Но из этого вовсе не следует, что совместное товарищеское обсуждение творческих вопросов мало или вообще

скажет, что безусловно, оказало бы большую помощь молодым писателям. Нельзя организовывать свое внимание к ним только торжественным приемом в члены союза».

В своей статье Я. Грант пишет и о недостаточной активности членов правления Союза писателей Латвии, о слабой связи с писателями секретарей правления.

«Латышские писатели — один из передовых отрядов могучего коллектива советских литераторов», — заключает свою статью Я. Грант, — У него есть все возможности для большой и плодотворной работы. Активизация деятельности творческой организации, мы будем способствовать повышению идейно-художественного качества наших произведений, созданию книг, способных двигать вперед великое дело строительства коммунизма в нашей стране».

В последнее время в Союзе писателей Латвии повысился интерес к творческим проблемам. Об этом свидетельствует, например, большая активность литераторов на общем собрании секций, посвященном вопросу о правде жизни в литературе. Надо думать, что латышские писатели вместе с руководителями своей творческой организации примут и дальнейшие меры к оживлению творческой работы, утяг справедливости замечания, высказанные в журнале «Коммунист Советской Латвии».

И мне хочется сегодня повторить эти слова: «Товарищ Пикассо!».

С. ЮТКЕВИЧ

СИНЕВА

Только поверхностный читатель стихов не заметит тонкую книжку Евгения Винокурова в синей обложке и не задумается над ней.

Тут нет сенсационных тем, внезапных поворотов сюжета, блистательных острот. Возврат хотя бы оглавление. «После алла», «Гильзы», «Комидя», «Работа», «Черный хлеб», «Уголь», — все остривые, мужские заголовки.

Вплотне под стать этим названиям сжатые точные стихи Винокурова. У него плотная, наполненная весомыми словами строфа. Она не очень-то изящна, совсем не виртуозна, но на наше веков она одна, конечно же, переняет многие бойкие порождения стихов, к сожалению, еще появляющиеся в наше время.

Она не только не изящна, а просто груба и даже часто нарочито угловата. Это-то мне как раз и по душе. Гладеньких, чистеньких стихов я читать уже не могу — они вызывают одну непродолжительную скуку.

Вот очень характерное винокуровское четверостишие:

Я помню хлеб. Он черен был и липок — ржаной мужик был грубоват помол. Но расцветали лица от улыбок, когда буханку ставили на стол.

Мне в нем нравится все: и точка паузы посреди первой строки, и якобы косноязычие, а в самом деле очень уместное повторение глагола был, и чудесное народное слово ставили. Очень точно и предельно экономно!

А вот еще одно, едва ли не самое сильное в этой книжке:

Мне нужна только истина. Вынь да положь жив я, правдой одной дорожа.

Знаю я — на губах так пагубна ложь, как на чистом оружии ржа.

Вглядитесь в эти строки, вслушайтесь в них, вдумайтесь. Здесь есть что читать, есть что произносить, перекатывая эти эр и мз, есть над чем подумать. Отличный железный аформизм, сработанный не мальчиком, а мужем.

Экономную точность стихов Винокурова можно объяснить, помимо его таланта и вкуса, и тем, что он детально знает то, о чем пишет. Знает не понаслышке, но по газетам и кинофильмам, а по своей собственной биографии. Из этого-то профессионального знания и возникает у него стихах такие достоверные термины и рабочие словечки, как забор, а не щель, совковая лопата, а не просто лопата, водерная думка, а не ружка, пайна, сечка и другие. Только человек, сам грузивший уголь где-нибудь на станции, может сказать так верно и кратко:

Евгений Винокуров, «Синева». Стихи. «Советский писатель», 1956 г. 72 стр.

Новые книги

Айни С. Рабы. Роман. Перевод с таджикского С. Воронина. «Советский писатель», 455 стр. Цена 8 руб. 80 коп.

Вергелис А. Жажда. Стихи и поэмы. Авторизованный перевод с еврейского. «Советский писатель», 120 стр. Цена 2 руб.

Гарри А. Последний наравал. Повести. Трудреорганизат. 247 стр. Цена 5 руб. 30 коп.

Дмитеро Л. Дорога мира. Стихи и пьеса. Авторизованный перевод с украинского Д. Селюк. «Советский писатель», 207 стр. Цена 3 руб. 80 коп.

Исторические песни. «Советский писатель» (Библиотечка поэта Малая серия. Изд. 3-е). 408 стр. Цена 3 руб. 50 коп.

Кирого О. Славия селва. Перевод с испанского. Гослитиздат. 63 стр. Цена 75 коп.

Кирсанов С. Изыскания стихотворения. «Советский писатель», 439 стр. Цена 8 руб. 50 коп.

Кудачев С. Мальчуган. Повесть. Перевод с японского Р. Карниной. Гослитиздат. 139 стр. Цена 4 руб. 15 коп.

Мунчи В. Комедия. Перевод с сербского. «Искусство», 619 стр. Цена 18 руб. 50 коп.

Прагонины В. Повесть о белых влюбленных. Перевод с итальянского Л. Вершинина. 3. Потановой, Р. Хлодского. Издательство иностранной литературы, 383 стр. Цена 10 руб. 55 коп.

Саваромовы. Северный флот в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Литературный сборник. Воениздат. 399 стр. Цена 10 руб. 75 коп.

Светлов И. Красные гвоздики. Роман. Перевод с восточного Л. В. и Л. П. Тоом. «Советский писатель», 439 стр. Цена 7 руб. 70 коп.

Сказки и повести древнего Египта. Перевод с древнеегипетского И. Навильсона и Ф. Менделеева. Гослитиздат. 151 стр. Цена 4 руб.

Фучин Ю. Избранные. Издательство «Правда», 752 стр. Цена 11 руб.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

«Оживить работу Союза писателей»

Латышский писатель Ян Ниедре написал вторую часть романа «Годы закалил». В процессе работы над книгой он столкнулся с некоторыми трудностями, захотел посоветоваться с товарищами по перу. В Союзе писателей Латвии было назначено обсуждение рукописи, но на это обсуждение явился, кроме самого Я. Ниедре, лишь один писатель.

Об этом случае рассказывает Я. Грант в статье «Оживить работу Союза писателей», напечатанной в октябрьском номере журнала «Коммунист Советской Латвии». «Этот факт», — пишет Я. Грант, — даже если бы он был единичным, сам по себе уже не может не вызвать у наших литераторов озабоченность деятельностью нашей творческой организации. Эта озабоченность тем более естественна, что приведенный случай, к сожалению, не исключение. Еще очень много в работе нашего Союза писателей серьезных недостатков, мешающих ему полноценно решать свои важнейшие задачи, способствовать успешному развитию латышской советской литературы — одного из отрядов многонационального советского искусства».

Исторические постановления XX съезда

Несмотря на все пессимистические прогнозы врагов египетского народа, вопреки провокациям, судостроение по Суэцкому каналу осуществляется безупречно. Лодочная служба работает, как хорошо отрегулированный часовой механизм. Каждый простой египетский крестьянин — феллах понимает все колоссальное политическое значение факта национализации Суэцкого канала. Вот почему, казалось бы, простой сам по себе феллах проходил бы мимо безраздельно принадлежащий египетскому народу, заставлял возмущенно биться сердца феллахов, находящихся в это время на берегу. Особенно горячо приветствуют египтяне команды советских судов — совершенно справедливо они видят в советских людях своих искренних друзей.

К событиям в Венгрии

Телеграф и радио принесли крайне огорчительную весть: на улицах Будапешта шли бои... И я вспомнил оживленные магистрали и площади Будапешта, по которым ходил совсем недавно, зеленые холмы Буда и дымящиеся трубы заводского Чепеля. Сердце не могло не сжаться при мысли, что в Будапеште пролилась кровь. С трудом можно представить себе горящее здание Национального музея — гордости венгров.

Я много ездил по стране. Беседовал с рабочими, инженерами, крестьянами, писателями, артистами. И основное мое впечатление сводится к тому, что трудовой народ Венгрии предан идеям социализма, дружески расположен к Советскому Союзу. Только реакционная агентура, подстрекаемая извне, может стремиться в том, чтобы восстановить в Венгрии власть помещиков и капиталистов.

Но у венгерского народа накопилось много недоумений. В Венгрии в прошлом были допущены крупные ошибки в руководстве экономикой страны, в государственном и партийном строительстве, нарушились демократизм и социалистическая законность. Эти ошибки, как говорили мне венгерские друзья, особенно стали зримыми в свете решений XX съезда КПСС. Решения эти, по единодушному мнению моих собеседников, открыли большие возможности дальнейшей демократизации жизни и строительства социализма. Однако все это не было в достаточной мере учтено руководящими органами Венгрии, мало было сделано для того, чтобы поскорее внести те коррективы, которые настоятельно диктовала сама жизнь.

В селе Тисса-Сентимре (недалеко от Солнока) мне запомнился один высокий рыжеватый крестьянин. Он горько жаловался:

— У нас был сельскохозяйственный кооператив нашего типа. В один прекрасный день явился незнакомец и сказал, что отныне наш кооператив будет высшего типа. Мы обратились к районным властям за разъяснением — молчание. Обратились к областным — тоже молчание. Много подобных — больших или меньших неполадок — вызвало справедливую критику. Если бы в государственном аппарате сидело меньше бюрократов, многое было бы возможно исправить на ходу.

Инженеры говорили о том, что, наряду с большим строительством, ведущимся хорошо, допускаются неправильности при планировании местоположения некоторых заводов. Немало пострадала от административного рвения иных чиновников и литература.

Писатели выступали на своих собраниях и в острейших статьях в печати. Они говорили как о вопросах литературы, так и о хозяйственно-политических проблемах. Но, несмотря на резкость некоторых суждений, в большинстве своем это были голоса людей, искренне стремящихся помочь народной республике в преодолении трудностей. Писатели особенно подчеркивали свои симпатии к Советскому Союзу и свою приверженность к бессмертным идеям ленинизма. Известный драматург Дьёла Хай заявлял в одной из своих статей, что писатели будут следовать «курсу XX съезда, курсу ленинизма».

Я присутствовал на общем собрании венгерских писателей в Будапеште. Там велся очень откровенный и деловой разговор. Речи писателей в общем были пронизаны заботой о строительстве социализма. Главный оттенок всех речей — неудовлетворенность ходом демократизации венгерской действительности.

Несмотря на то, что отдельные неверные установки тех или иных писателей одобрялись зарубежными реакционерами, дискуссия и тон ее не имели ничего общего с призывами к беспрепятственной стирке народной демократии. Народ Венгрии — за социализм.

Рабочий-механик новой электростанции в городе Казинцбарцка Вереш сказал, что раньше, до войны, он батрачил у графа Шемшей, у которого было шестнадцать тысяч гектаров земли.

— Где он ныне? — спросил я. — Не знаю, жив ли. А сколько его наверняка на Западе. Это один из тех, кто хочет нас «освободить». Еще бы — продолжает Вереш, — ему даже, я полагаю, не терпится «освободить» Венгрию, чтобы получить обратно свою землю. Но этому не бывать!

Я думаю, что этот венгерский рабочий человек очень хорошо выразил отношение своего народа ко всякого рода реакционным элементам, которые пытаются в последние дни использовать в своих нечестных целях трудности, переживаемые Венгрией. Я пишу эти строки, а перед глазами у меня — шумный Будапешт, величавый Дунай, солончаковые поля Хортобаи и холмы Задунайского края. Я верю, что венгерский народ пойдет все дальше путем демократии и социализма.

Георгий ГУЛИА

Единство музыки, танца, игры

Перед тем, как посмотреть спектакль балетной труппы Большого театра «Ромео и Джульетта» Прокофьева, я размышляла, как примет его английская аудитория, отнесется ли она к нему критически и неприязненно: что, мол, эти русские сделали с Шекспиром?

Но после спектакля мне стало ясно, что англичане позабыли думать о Шекспире, и хотя судья Ромео и Джульетты отлично была известна каждому из присутствовавших в зрительном зале, все они смотрели балет по либретто Лавровского как самостоятельное театральное произведение, в котором развертывалась напряженная, волнующая трагедия. В наиболее сильные драматические моменты публика была так поглощена событиями на сцене, что почти не аплодировала. Я сидел в ложе, отведенной для артистов Большого театра, с профессором Лавровским и видел, что он вострожен. «Неужели им неинтересно? Почему они не аплодируют?» — спрашивал он. — Ведь обычно они горячо аплодируют во время других балетных спектаклей». Ответом на его вопросы было то, что, когда опустился занавес после сцены смерти Ромео и Джульетты и по воле Лавровского над трупами любовников прозвучало применение их семей, в зале «Ковент-Гардена» в течение пяти минут царил тишина, настолько всех взволновала эта сцена.

Я подумал, что Лавровский сейчас, наверное, очень расстроен, подозревая, что англичанам не понравилась русская постановка «Ромео и Джульетта». А те на самом деле были так сильно потрясены, что боялись нарушить общее настроение. Затем, однако, тут и там раздались хлопки, разрывавшие атмосферу, и сразу же грянул гром аплодисментов. Аплодировали музыке, актерам, Стручковой и всему балету в целом. Английские зрители были, мало сказать, удовлетворены. По моему, они на миг вовсе забыли про Шекспира. Для нас эта трактовка «Ромео и Джульетты» более романтическая, чем та, которая принята в нашем классическом театре. Позже в беседе со мной Лавровский сказал, что он не мыслит себе балетного спектакля без сюжета, без драматического действия и слитых воедино музыки, театральной игры и танца. Именно эта слитность покорила англичан.

Балет «Ромео и Джульетта» не явился обремененным подражанием драматическому спектаклю; это самостоятельная, глубоко продуманная великая трагедия, выраженная иными средствами, имеющими свою художественную специфику. Сам Шекспир, ставя на елизаветинской сцене «Ромео и Джульетту», не имел возможности реалистически воссоздать атмосферу Вероны. Вражда между Монтеки и Капулетти у Шекспира показана очень скудными средствами, как конфликт между несколькими персонажами. Прокофьев и Лавровский могли с полным правом остаться верными тексту и так же скупо дать воплощение этой вражды в центральных образах Тибальда и Меркуцио, не углубляясь в новые подробности. Балет был бы в таком случае ограничен довольно узкими рамками. Я полагаю, что наши постановщики пошли бы именно по такому пути. Ведь здесь, в Англии, они, как черта, боятся всякой волюнтерской романтики, а многие из них считают щедрость чувства чем-то вульгарным, чего балет должен избегать. А мне кажется, что наша публика доказала, что она предпочитает широкий, смелый показ жизни и людских страстей глянцевому, эскизному представлению. Очень жаль, что Прокофьев не дождался до того дня, когда его музыкальное творение «реабилитировано». Я помню, когда здесь, на Западе, в первый раз услышали о его новом балете, многие специалисты делали презрительные гримасы по поводу этого эпического, грандиозного произведения. «Это типично по-русски», — говорили они.

Последнее время приходилось слышать такие высказывания, что выступать после Улановой в главной роли — это серьезное испытание для Стручковой, ибо, как я уже писал в предыдущей статье, Уланова потрясла всех. И зрители, и критика сошлись в едином мнении по поводу того, что ее танец представляет собой вершину совершенства. Помню, мне довелось видеть Стручкову в спектакле в Москве сразу же после окончания ею хореографического училища Большого театра. Ей тогда предвещали большое будущее. Я увидел ее снова через несколько лет, когда она уже стала ведущей балерной, и ей не хватало тогда только одного — зрелости, эмоциональной зрелости. Теперь она приобрела уже и это качество. Появилась та верная, глубокая эмоциональная сложность, которая необходима актрисе, чтобы показать превращение невинной девушки в женщину, переживающую трагедию. Стручкову встретила она же, и она этого заслуживала. Гофман, танцевавший Ромео, рисовал образ очень скромного юного нежной души, которого горе доводит до самоубийства. Зритель

должен верить трагическому трепету Ромео, иначе конец получился бы неправдивым. И Гофман вынес, что называется, на своих плечах посылки своего артиста. Нам очень понравилась своей высокодраматической игрой. Рядом со мной в ложе сидел Юрий Жданов, известный сам как замечательный, тонкий Ромео, и он тоже хвалил Гофмана. Тут же находились Фарманян и Кондратов, которые напряженно следили за игрой юного Ягудина, исполнявшего роль шута. Выступая в этой роли в первый раз, Ягудин продемонстрировал отличное искусство прыжка и акробатики, что так естественно получается у русских танцовщиков. В нашем балете мы этого не видим никогда. Ягудин сразу же завоевал колоссальный успех у нашего зрителя. Корень — этот изумительный Корень — стал уже знакомым и любимым артистом за то короткое время, что он находится здесь. Рихтер, играя его противника Тибальда, должен был равняться по Ермолаеву, которого мы видели в фильме «Ромео и Джульетта». Тибальд Рихтера отличается от Тибальда Ермолаева, но он тоже весьма убедителен и трагичен в своем бешеном гневе, хоть и менее эффектен, чем тот.

Я не сказал бы всего, если не упомянуть бы неотразимых исполнителей второстепенных ролей, например Лапуару и Васильева, танцевавших Париса и Бенволио. Совершенно новой показались нам трактовка образов отца-Капулетти и леди Капулетти Александром Радунским и Еленой Илющенко. Интересно было видеть этих артистов старшего поколения Радунского и Илющенко, с таким совершенством играющих мимические роли, — особенно хороши Радунский в знаменитом танце с полудушкой, таким вот и представляешь себе отца-Капулетти. Актер уверенно проводит свою роль, но актерская игра при этом как бы и не чувствуется. А Елена Илющенко — это та строгая, суровая мать, которая, как и ее муж, ослеплена враждой и ненавистью к Монтеки, и сама того не понимая, способствует трагической неизбежной смерти своей дочери. Илющенко великолепно играет жену Капулетти, выразительными и очень нужными в этом балете. Ираида Оленина дает, если я не преувеличиваю, общеприятный образ кормилицы. Она играет с увлечением, и с таким же увлечением смотрит ее зритель. Хороши слуги, горничные, левушки, трубадуры, друзья и двое престелных маленьких нищих в исполнении Ефремовой и Поповой. Мы любовались костюмами и декорациями, которые сами по себе в высшей степени драматичны, — поверьте, все это произвело на нас огромное впечатление, и мы благодарны Прокофьеву и Лавровскому за то, что они не превратили это произведение английской классики в прилаженный, куций балет, а создали обобщенный, достигающий высокого пафоса спектакль. Я счастлив, что повидел его, учитывая то, как трудно достать билеты.

Отчасти мне повезло из-за того, что у меня не было билета. Это дало мне возможность попасть в театр через служебный ход. Меня провела без особого труда через эту заветную дверь мой советский коллега Екатерина Шевелева. В один из антрактов я углубился «в недра» «Ковент-Гардена», и не я, англичанин, вел по-хозяйски свою спутницу, а она, русская, знавшая все ходы и выходы и имевшая разрешение ходить куда ей вздумается, водила меня по этим коридорам. В светлом, красочно оформленном кафеетерии Шевелева поздравилась с человеком в желтом шелковом плаще, который сидел среди музыкантов в черных смокингах. Это был брат Лоренсо, который в антракте ел протоквашу. Шевелева познакомила меня с ним, а также с Эриком Володимиром. Но не успели мы сестра за стол и приняться за свою протоквашу, как Володина вызвала по громкоговорящему на сцену, и пришлось ему оставить свою протоквашу недоленной. Когда мы выходили из театра после спектакля через тот же служебный ход, там стояло человек 40—50, собравшихся для того, чтобы пожать руки советским актерам и попросить у них автографы. И там была не одна зеленая молодая, но немало и весьма пожилых людей. Один из них дружески хлопнул меня по спине, когда я проходил мимо, подумав, что я русский. В Москве во время войны меня часто принимали за русского. Ав Володина гостице, где остановились многие артисты балета Большого театра, я принял некоторых русских девушек за англичанок и просто остолебен от удивления, услышав их быструю русскую речь. Я говорю об этом сейчас потому, что трудно передать то очень теплое чувство, которое появилось у русских, и у англичан по отношению друг к другу в результате посещения Английского балетного Большого театра.

ЛОНДОН, 29 октября. (По телеграфу)

Мы едем в Хомс ИЗ СИРИЙСКОГО ДНЕВНИКА

Сирийский диктатор Шисекли, ставленник колонизаторов и империалистов, был человек мрачный и грубый. Он ненавидел прогрессивную интеллигенцию. Многих из свободомыслящих и патриотов он сослал в пустыню, в оазис Тадмор. Там они проводили дни, раскапывая древние руины знаменитой Пальмиры. Они откопали театр, которому, наверно, не менее двух тысяч лет.

Мы сидели на неровных, каменных местах древних зрителей и старались представить себе, как из здания сената, к которому примыкал театр, выходил почтенные центеи искусства, как заполняется амфитеатр шумной толпой пальмиров, как на арене появляются артисты или гладиаторы.

Но все молчало в торжественных развалинах вокруг нас, и только удивленные колонны, разбросанные на большом пространстве, стали розовыми, напоминая нам, что скоро солнце зайдет за горы и ночь завладеет древним городом.

Мы сели в машины и поехали в маленький городок Тадмор, чьи белые строения видны из руин Пальмиры.

Подъезжая к Тадмору, мы оглянулись и невольно были поражены удивительным эффектом. Последние лучи солнца, проникшие через уже красноватый туман, окутывавший равнину оазиса, блещали на разбитых колоннах, на срезах камней, на ступенях и капителях. Было такое ощущение, точно город ожил, в нем зажглись огоньки, множество огоньков, и там по улицам двигаются тысячи жителей, которые некогда видели такие же закаты, какие видим и мы.

Но уже было подлито тысяч лет назад прервалась жизнь Пальмиры, города, столь прославившегося в памяти человечества своим блеском, роскошью, убранством своих зданий, горделивостью бесконечных колоннад, что русский город на далеком севере — Петербург называли северной Пальмирой.

В маленьком Тадморе жители, пока проводили в парадных наших машинах, очень тепло уговаривали нас куда-то ехать и остаться с ними поспеть, поговорить, выпить кофе. Тут же расхаживали солдаты из легиона пустыни в краснорубчатых платках на голове. И нам было немного странно, что в этой стране, где на каждом шагу воспоминания древности перебивают дорогу, они не доверяют над сознанием. Нет, каждый, даже самый простой араб относится к нам, как к старым, давно привычным камням, и не более. Зато сегодняшнюю жизнь он чувствует остро и готов часами говорить о том, что делается в арабском мире и как арабы борются за свободу. Этот новый араб, будь то в Дамаске или в маленьком городке в пустыне, полон гордости за свою страну, очень внимателен к тому, как к ней относятся, что о ней говорят. Но при упоминании о том, что ей, как и другим арабским странам, может снова угрожать колониализм, араб превращается в неистового оратора, гневно громящего врага, руки его начинают красноречивей слов взлетать в воздух, в нем просыпается дух номада, дух ярости и битвы. Тогда вы начинаете понимать, что возврат колониализма в эти страны невозможен. Араб завоевал свободу, она ему нравится, он ее не отдаст, он будет, если нужно, сражаться долго и упорно.

Если вы будете разговаривать с интеллигентом-арабом, будь то архитектор, ирригатор или инженер, то вы убедитесь, что они прекрасно знают, в каком направлении должно развиваться, например, сельское хозяйство страны. Конечно, не хватает земли, а не хватает потому, что не хватает орошения, потому что больше земледельцы не вкладывают новых средств в свои участки, урожай очень средний, молоко и мяса не так много, шерсть тоже. Но тут же ваш собеседник добавит, что Сирия может, если примет меры, изжить эти серьезные недостатки в своей экономике. Даже бегло, на ходу в Тадморе, но мы успели перекинуться с жителями несколькими словами об их жизни и ответить на вопросы, обращенные к нам. Потом шоферы бодро повели машины в темноту осенней сирийской ночи.

— Вы хорошо знаете дорогу на Хомс? — спросил я нашего водителя. Засмеявшись так, как будто я рассказал ему веселый анекдот, наш никогда не теряющийся Хавзи, человек пожилой, но самого арабского характера, ответил, что дороги на Хомс он не знает, да тут и трудно знать дорогу, так как в пустыне дорог нет. А как же мы подем? — спросил я недоумевая.

— В пустыне можно ехать где угодно. Тут всюду можно проехать, — ответил он, снова снисходя к моему недоверию. Машина бойко бежала по темной пустыне. Никакого ориентира перед глазами не было. Сначала я опасался, что мы с ходу слетим куда-нибудь в овраг, но тут, оказавшись в оврагах нет и беспокоиться нечего. Тусклый свет фар освещал какую-то безжизненную землю, но на самом деле она не была безжизненной. Такой она являлась ночью. Днем это была скорее степь, покрытая травой, невысокой, жесткой или яркозелеными, похожими на губки кустиками, бледной поlyingю, колючим астрагалом.

Так, двигаясь во тьме, мы боялись только не потерять вторую машину. Но когда мы остановились, чтобы положить ее, Хавзи философски сказал:

— Это хорошо, пусть подьдут, надо посоветоваться. — О чем? — спросил его. — Надо вместе решать, как ехать. — А ты же сказал, что тут все дороги одинаковы, где ни поедешь — приедешь. — Это верно, но надо общий вид уговор.

Подъехала вторая машина. Пассажиры охотно вылезли, размяли ноги. Шоферы начали свой обет.

А в пустыне было между тем изумительно. Прохладный воздух, мягкий, чистый, был полон поразительных запахов степи, будто раскрылись непомятые нам ночные цветы и начали благоухать, и к ним примешивались притягательные отдухи-то издала запахи цветущих садов и деревьев, растущих у подножия гор, чей серый массив сейчас был скрыт от нас.

Нет, ночь в этой степной сирийской пустыне весной не походила на ночь в наших песчаных Каракумах. Хотелось просто идти по этой легкой, зеленой земле, где нет ни смуглых барханов, ни глинистых такы.

Николай ТИХОНОВ

Хавзи засмеялся своим широким смехом, и засмеялся за ним все арабы. — Этот мираж исчезнет со временем, — сказал Уасил. — Знаете, что это? — Замок какого-нибудь шейха пустыни? Или злого джинна? — Это злого джинна, — сказал Уасил. — Это нефтеперерабатывающая станция при нефтепроводе. А злой джин — «Ирак петролеум компани», который день и ночь гонит нефть через Сирию к морю, в Баниас и в Триполи. Нефть арабская, а наживаются на ней и англичане, и американцы, и французы, и голландцы. Они все участвуют в этой компании. Шестидесят миллионов долларов получают они экономии, гоня нефть по нашей земле, а не везя ее через Суэцкий канал. Вот в пустыне есть такие склады и нефтеперерабатывающие станции. Они их, видите, проволочкой отгородили и рамы, сидят, как в крепости. Надо их обезопасить.

И мы начали объезжать влево. Но когда наши машины пробились по узкому, обваливающемуся песчаному карнизу и мы увидели, что обехали территорию станции, перед нами снова выросла проволока и ров, за ним стена, и уже собаки дали оттуда на нас, как на ночных разбойников пустыни. Пришлось вернуться и объезжать справа. Но справа мы сначала уткнулись тоже в стенку, а потом увидели дорогу и рядом с ней ров, через который был переброшен мостик. На мостике стояли люди, курили и следили за нашей машиной. Дальнейшие развороты без объяснения делать уже было неудобно, тем более, что люди приближались к машине.

Ничего, — сказали арабы. — Мы сейчас разберемся. Машины остановились. Англичане или американцы (они говорили по-английски) и с ними арабы подошли совсем близко. — Что вы тут ночью шатаетесь вокруг станции? — спросил один из подошедших. — Мы не можем найти дорогу на Хомс, — сказал Уасил по-арабски. Арабы, стоявшие с иностранцами, засмеялись облетченно. Они перевели ответ Уасила иностранцам, и те захихикали губками.

— Поезжайте через станцию, — сказал один из арабов, — тут будет короче, а то снова закружитесь не туда... И мы проехали мимо по всей территории станции между освещенными домиками, перед которыми гуляли или стояли группами служащие. Темные огромные баки с нефтью возвышались за ними, как крепостные башни. Мы выехали на ровную дорогу.

— Колонизаторы ненавидят нас, но нефть они не могут качать по воздуху, а платить нам за то, что они гонят ее через нашу землю, им неохота. Все-таки мы заставили их пересмотреть концессионные соглашения. Теперь они платят нам не жалкие четырнадцать миллионов сирийских фунтов, а шестьдесят пять. Ничего-плату, а платат! — сказал Уасил.

— А мы на эти деньги, — добавил он, — будем строить заводы и фабрики, города, школы, делать ирригационные работы, выкупать для крестьян землю. Дорога вела нас на север. Нам даже жалко было, что пустыня кончилась. Машина шла полным ходом. Теперь уже ничто не может нас остановить. Но взглянув назад, я сейчас же спросил: — А где вторая машина? Она исчезла!

Мы остановились. Кругом освещенная светом пробившейся сквозь тучи луны лежала какая-то очарованная земля, полная расплывающихся красок, обманчивых туманов, оравшей и мглы. И в этой оравшей мгле где-то разгоралась вторая машина. Мы поехали за ней и нашли ее стоящей скромно в стороне. Луна капризно снова исчезла в матовых тонких тучах, и стало по-прежнему. В этом полумраке на дороге мы увидели темное пятно, которое тихо показывалось. Мы вышли из машины и пошли по дороге. Пройдя немного, мы остановились. С нами ехал во второй машине один очень уважаемый и почтенный человек. Сейчас, разостлав на дороге свой молитвенный коврик, он молился в тишине ночи, и, чтобы не мешать ему, мы все отошли в сторону и ждали. Почему он должен был молиться ночью, — не знаю. Вероятно, была какая-нибудь причина.

А потом наш Хавзи дал такую скорость, что я сказал ему шутливо: — Смотри, как бы мы не проскочили Хомс. — Хомс не пустыня, — отвечал он, — поймай шута, — а в пустыне, вы сами увидели, каждая машина заблудится. Без этого нельзя. Спросите любого шофера! Наконец, впереди нас вспыхнул огонь в таком количестве, что, казалось, они выгают по холмам, топятся у дороги, выгибают из-за деревьев. Они разрослись в целые коридоры, и мы ворвались в центр ночного Хомса, как будто за нами гнались все джинны пустыни. Хавзи резко и лихо затормозил.

— Хомс! — сказал он. — А вы спрашивали, хорошо ли Хавзи знает дорогу. Эти дороги мне все известны. А вот о чем я мечтаю, так это верно: проехать по Мекке. Вот я думаю на фестиваль молодежи поехать. Ведь волонтеры будут нужны? Как вы думаете, удастся? — Желаю, чтобы удалось. Думая, что удастся. Человек вы упорный!

— Большое спасибо, большое спасибо за хорошие слова, большое спасибо! — отвечал Хавзи, кланяясь и улыбаясь. Мы приехали в Хомс. Дальше нам некуда было ехать в эту ночь.

...Мы ехали долго, и мне начало казаться, что теперь все в порядке. Но Хавзи поехал тише, как будто бы меня трясло под машиной. И закричал все-таки первый же он, а я: — Стой! Стой! Я увидел, как во сне, в ровной пустыне черную широкую ленту, пересекающую дорогу. В бледном свете фар эта лента проходила уже не через траву, а через глинисто-песчаную пустыню. Хавзи сам заметил эту ленту. Машина остановилась. Мы вылезли все.

Перед нами была не дорога, а просто пустыня, перекопанная широким ровом, через который не было перехода. Ров танулся, как перед крепостью, и вправо и влево. — Теперь все ясно, — сказал Хавзи, — а этого ожидал. Надо ехать влево. Мы поехали вдоль рва. По другую сторону его, отступив, рисовалась глиняная стена, и впереди ее выступала проволочная ограда. В глубине виднелись очертания каких-то темных сооружений, и совсем далеко за ними блещали огоньки.

— Что за дьявольщина? — сказал я. — А я думаю, что в вашей пустыне нет миража. А они, оказывается, действуют даже ночью.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Вс. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМРНОВ, В. ФРОЛОВ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1957 ГОД НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬМАНАХИ «НАШ СОВРЕМЕННОК» орган Союза писателей СССР